

Kolejka, Josef

[Славянские программы и пропаганда славянской солидарности в 19 веке]

In: Kolejka, Josef. *Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках*. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964, pp. 36-72

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119620>

Access Date: 02. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

I.

На переломе 18-ого и 19-ого вв., когда в результате постепенного возникновения новых производственных отношений стали складываться буржуазные нации, начинается также период „национального возрождения“ славянских народов, до этого в большинстве случаев угнетаемых. При процессе формирования наций важную роль у славян сыграла идея их „взаимности“. Славянская идея хотя и имела древнюю и довольно непрерывную традицию,¹ но в новых условиях первой половины 19-ого в., в период возникновения нового общественного класса и появления нового, капиталистического общественного строя стала она (до этого времени проявление сознания родства языка и культуры славянских народов) одновременно также выражением надежды на помощь славянских соседей в стремлении достичь языкового а затем также политического равноправия (или даже самостоятельности). Одних чехов и словаков или хорватов и словенцев насчитывалось немного — но всех славян: много! „Славяне подсчитали и установили, что они в Европе многочисленнее всех“ — так описывал Ян Коллар на строение в Чехии в первые десятилетия 19-ого в. Какими сильными оказались бы они, соединившись! Такие мысли появлялись в частных письмах, например, Й. Добровского, в стихотворениях Марка и др. — с момента прохождения русских войск через чешские страны. Чешские „славяноманы“ или „русоманы“ (как называли Юнгманна, Челаковского и даже Палацкого и др. подозрительные немцы) тогда утешались надеждой „Тевтона“ или „Оттомана“ и, кроме того, „Жезлом Рюрика в Москве“, дискутировали о „едином славянском языке“ (кроме иных также русском) и т. п.²

Стремление славян познать друг друга, отличающееся в первое время формой языковых и литературных заимствований у „более развитых братьев“, получило в 20-ых и 30-ых гг. прошлого столетия особую теоретическую основу; вопрос отношений между славянскими народами становился также вопросом политическим³ („политическим“ разумеется в тогдашнем смысле). В работах П. Й. Шафарика и Яна Коллара была уточнена идеология движения славянских народов, а именно их „взаимности“. Эту идею сформулировал Коллар прежде всего в смысле „литера-

турной взаимности“ — думали, однако, также об определенной политической взаимности, разумеется в духе и при помощи терминов того времени, в духе идеологии романтизма и мессианизма. Это относится главным образом к поэме Коллара „Дочь славы“ (1824), в которой намекается на объединение славян при помощи символа статуи, голову которой как бы создает „Россия“, туловище — поляки и чехи, под вооружением подразумевались остальные славяне: и перед этим „идолом опускаться на колени могла бы вся Европа“. Коллар, однако, не желал „поглощения славян Россией“ и предлагал направить усилия на культурную взаимность (сотрудничество).

Чешское и словацкое понимание славянской взаимности в смысле культурного сотрудничества (за границей попытка внедрения термина „колларизм“)⁴ пользовалось живым откликом почти у всех славянских народов, политические и культурные представители которых, конечно, сами также оказывали воздействие на чешское понимание славянской идеи (например, поляки).

У южных славян, которые жили на переломе 18-го и 19-ого вв. в различных условиях австрийского или венгерского и, в особенности, турецкого господства, выросло славянофильство из более ранних традиций культурных связей с русским церковным и культурно-политическим обществом и в начале 19-ого в. отличалось некоторыми политическими моментами. Из Сербии и Черногории приходили в России даже просьбы о помощи при восстановлении „славяно-сербского царства“! Русофильские настроения проявлялись и в всеславянской идее серба Вука Штепановича Караджича, и черногорца Петра Негоша.⁵

Среди культурно и экономически более развитых хорватов зарождалось в 30-ых гг. 19-ого в. так называемое иллирийское движение, целью которого сначала было стремление к языковому и культурному единству всех южных славян. Настоящим „отцом“ иллирийского движения считается Людевит Гай, который в течение некоторого времени был русофилом и „панславянином“. Главной целью „иллирийцев“ было восстановление „триединого“ королевства: Хорватии, Славонии и Далмации. Вена сначала к этому движению относилась нейтрально (из-за его антивенгерской направленности). В результате в иллирийском движении победила консервативная линия и сам Гай направлял политическое движение так, что это вело хорватов в подчинение реакционной династии Габсбургов.

Словенцы и, в особенности, сербы в своем большинстве иллирийское движение отрицали и боролись за развитие своих национальных языков. В Сербии (в княжестве) победило великосербское направление, которое выразилось в заграничной политике министра Гарашинина („Начертание“ от 1844-ого. г.).

Представители иллирийского движения в своих целях равно как и великосербь в своих стремлениях рассчитывали на болгар, которые оставались вплоть до 1878-ого г. под турецким гнетом. О болгарях в Чехии было известно в 30-ых гг. еще довольно мало, хотя и болгары переживали уже в конце 18-ого в. начало своего национального „возрождения“ — заслуга в этом принадлежит Георги Гуку (по происхождению — венгерский украинец), который после своего пребывания в России работал в Болгарии, под именем **Юрия Ивановича Венелина**.

Особого характера достигла славянская идея у поляков, после русских самого многочисленного в то время славянского народа. Как известно, поляки потеряли как раз во второй половине 18-ого в. свою государственную самостоятельность. После восстания Костюшко в 1793-ьем г. многие поляки возлагали все свои надежды на восстановление государственной независимости при помощи Запада, прежде всего Франции (начиная с Я. Г. Домбровского — *Dąbrowski* — и кончая Л. Чарторьским — *Czartoryski*), но все-таки существовало в польских землях и на переломе 18-ого и 19-ого веков довольно живое чувство славянского содружества. Польское языкознание и польская археология в то время даже внушали западной Европе мысль об этническом единстве славян.⁶ Также понимание славянской идеи поляками было частично русофильским, как это можно узнать из стихотворений **Й. П. Воронича** и **С. Сташица**, которые думали о „славянской унии“ с Россией, однако на принципах братского равноправия.⁷ Доказательством польского интереса к славянской идее служат в конце концов и названия тайных обществ (масонских лож) 20-ых годов: „Славянский орел“, „Славянское единство“ и т. п. Не сбывшиеся надежды на Наполеона привели некоторых поляков также к мысли о „русско-польском управлении Европой“, как об этом высказывался **Й. М. Гёне-Вроньски** (*Hoene-Wronski*)

Гёне-Вроньски стал в 30-ых гг. „основоположником“ идеологии „о возрождении человечества“ поляками, которые больше всех пострадали (восстание в 1830-ом г.!) и поэтому они призваны возродить славян и Европу. Его книга „*Le messianisme*“ (1831) дала название этому особому пониманию поляками „славянской идеи“ — польскому мессианизму, предсказывающему Европе „третий Израиль“, „третью эру“, мировой истории, на этот раз „славянскую эру“. Идею миссии поляков среди славян распространяли и другие авторы, как, например, **А. Мицкевич**,⁸ **Б. Трентовски**⁹ и, в особенности, **А. Товианьски**. Польский мессианизм представлял своего рода антицарскую программу „славянской идеи“, которая понималась поляками прежде всего как средство для достижения свободы и самостоятельности на сверхъестественные силы.

Большинство поляков (в том числе и мессианисты) полагались при этом

на Запад и поэтому говорится о польском окцидентальном славизме. Только спорадически тогда в рядах членов западной эмиграции раздавались голоса за сближение поляков с царской Россией (главным образом Гуровски и В. Яблоновски). Несколько другая обстановка возникла в захваченном королевстве, где посредством „всеславянской взаимности“ (варшавский польско-русский недельник „Jutrzenka“ — Утренняя заря) стремились некоторые деятели добиться доверия царской России. В Галиции создавались условия для развития славянской идеи среди дворян главным образом только после 1846 г. Граф А. Иг. Виелопольски разработал тогда даже программу „австро-славянской федерации“.

Также в Чехии можно было встретиться с критикой „панславистского русофильства“ после 1830-ого г., когда в связи с разными взглядами на польское восстание раздражается „первый кризис“ с понимании славянской идеи чехами и словаками. В то время как, например, В. Ганка продолжает верить в царскую Россию, Шафарик же подвергает ее критике, „молодые“ опять-таки восхищаются революционными поляками. В противоположность этому Воцел, Гавличек, Палацкий и др. видели будущее западных и южных славян в рамках Австрии. Также словенцы (Копитар) и хорваты (Гай) ограничивали „славянскую идею“ только габсбургской монархией, которой они показывали возможность ее расширения на восток. Своего рода „кредо“ этого направления сформулировал Мурко Феодорович в предисловии к переводу статей Циприена Роберта о греко-славянском мире в журнале „Revue des deux Mondes“: „Австрия должна прекратить стремиться быть немецким государством, она должна свободно и открыто стать во главе славянского движения, должна взять молодые, жизнерадостные народы под свое крыло, чтобы они не стали добычей северного (русского!) великана.“¹⁰

Таким образом возникал австрославизм, главную цель которого чехи видели в преобразовании Австрии в федеративное государство равноправных народов центральной Европы — но под руководством династии Габсбургов! Таким образом выступали чешские либералы на Славянском съезде в Праге, который состоялся в июне 1848-ого г.¹¹

Требования отдельных лиц и также конкретные попытки славянских исследователей, писателей и общественных деятелей завязать и распространить сотрудничество среди славянских народов и обеспечить их взаимоотношения привели, наконец, в июне 1848-ого г. к организации так называемого Славянского съезда в Праге. Еще в апреле 1848-ого г. предлагали — независимо друг от друга — словак Штур, хорват Иван Кукульевич и познанский поляк Анджей Морачевски собраться и взаимно посоветоваться о возможности создания союза (по примеру немцев) и о формах убеждения Европы в праве славян на свободу. Инициативу затем взяли

в свои руки чехи, которым потом удалось обеспечить в Праге присутствие южных славян, поляков и украинцев. Чешские либералы, которые добились сотрудничества даже с так называемым историческим дворянством, заранее заявляли, что „надо придерживаться принципа сохранения Австрии“ и что они признают „наследственную нашу династию Габсбургов-Лотринцев, господствующую чехам на принципах конституции“.

Одновременно в ежедневной печати пропагандировалась и мотивировалась необходимость созыва Славянского съезда, который должен был явиться формой защиты от немецкого или венгерского давления; писали даже о „дерзости немцев и венгров“. Все это вызывало в Вене и в Пешти — а также в Берлине и в любом другом месте в Германии — большое возмущение. Немецкие либералы реагировали на подготавливаемый съезд и на его течение новыми упреками против „панславизма“, против „фанатичной славянской расы“ (венгерская печать) и т. п.

Самым большим откликом пользовалась идея Славянского съезда в Чехии, на территории хорватов, словенцев и венгерских сербов. Поляки относились к чешской политике и к Славянскому съезду вообще с некоторыми оговорками — в зависимости от взглядов политической группы. В большинстве случаев они были несогласны с стремлением сохранения целостной Австрии, ибо с полным правом они рассчитывали на Галицию, как на составную часть будущей свободной Польши. С этой целью они рассчитывали на антиавстрийское настроение мадьяр. Поэтому полякам в 1848-ом г. было довольно трудно решиться. Консервативный галицкий помещик Лубомирски стоял за сотрудничество с чехами. К нашему удивлению консервативный лагерь польской эмиграции, возглавляемый Адамом Чарторыским также советовал галицким политическим деятелям поддерживать чешские планы относительно федерализации австрийской монархии. И демократ Лелевель ответил на приглашение на съезд пожеланием успехов славянскому съезду. Другие польские демократы в свою очередь опять предлагали пропагандировать в Праге идею федерации венгров (т. е. жителей всей Венгрии), румын („молдаван-валахов“), чехов и остальных славянских народов (как, например, в Швейцарии или Америке). Кажется, однако, что сами поляки не были намерены относиться „федеративно“ к галицким украинцам (тогда называли их „русинами“), язык которых считали „необразованным“ и т. п.

В общем, однако, присутствие поляков на Славянском съезде оказалось плодотворным. Заслуга познанского участника съезда Либельта состояла в том, что он сломал узкие рамки первоначальной чешской программы и съезд приступил к обсуждению манифеста „ко всем народам европейским“, который должен был стать доказательством того, что славяне — „это друзья свободы“. Некоторые из чешских представителей консерватив-

ного направления (например Воцел и Ганка), выступали, однако, против того, чтобы в манифесте говорилось „об объединении славянских племен“, так как это могло бы вызвать мнение, что чехи хотят „расторгнуть все положительные государственные связи“.

На основе предложения Либельта и замечаний отдельных секций Палацкий разработал текст манифеста, который является замечательным проявлением общечеловечной программы (в сопоставление с предложениями немцев или венгров — в большинстве случаев узко национальными), требующей нового равноправия всех, до сих пор подавляемых и эксплуатируемых, национальностей.

Пражские „бури“ (Июньское восстание) и как последствие полицейские меры против внепражских участников воспрепятствовали окончанию съезда, что обрадовало немецких и венгерских либералов а также некоторых демократов, которые считали Славянский съезд „большим панславистским заговором“ или „объявлением борьбы славян всем остальным“. В противоположность этому Маркс резко осудил 18-ого июня в журнале „Neue Rheinische Zeitung“ резню в Праге и вообще всю немецкую политику подавления народов!

Западные буржуазные авторы (например, Кон) оценивали чешский австрославизм в сопоставлении с польским мессианизмом как „более реалистическую“ политическую программу. Нельзя, однако, также скрывать тот факт, что (чешский и хорватский) австрославизм летом 1848-ого г. не был проявлением уже только защиты славянских народов от венгеризации и против великонемецких стремлений, но что он, поддерживая династию Габсбургов (например, против революционной Вены), оказывал реакционное и контрреволюционное влияние на славянское движение. Поэтому бессмысленно утверждение Фишеля, что на Славянском съезде в Праге впервые перед всем миром было поднято знамя „панславизма“. Правда, что, например, Кукульевич или чех Коубек предсказывали тогда начало „славянской эры“ и Бакунин (русский) привлекал сторонников „славянской республики“ даже с помощью антинемецких лозунгов. Конечно, некоторые лица были готовы во имя свободы своих народов соединиться, допустим, и с царской Россией.¹² Большинство делегатов Славянского съезда однако осуждали „панславизм вплоть до Камчатки“, как об этом заявлял Гавличек, который хотел „пславизм поменьше — среднеевропейский“.¹³

Мы привели сжатый обзор отдельных национальных „славянских программ“ (не включая России). Можно сделать сжатый вывод, что „славянские программы“ представляли собой главное содержание идеологии приходящих к власти буржуазных либералов славянских народов — народов подавленных, экономически, культурно и политически отсталых или только национально пробуждающихся. Либеральная буржуазия хотя и критиковала

феодализм и боролась более (поляки) или менее (словенцы) за развертывание освободительного движения своих народов, но в этом стремлении — достичь и сравняться с более развитой и опытной буржуазией (немецкой или австрийской и венгерской) — она искала помощи не у народа, не у народных масс, а у дворян или династии. Славянское сотрудничество стало бы более действенным фактором в политической деятельности либеральной буржуазии отдельных славянских народов, а тем самым и в освободительном движении, если бы был проявлен более глубокий интерес к требованиям крестьян раздела крупных хозяйств.

Мы признаем обоснованность отрицательного отношения австрославизма к великонемецким стремлениям; правое крыло этого движения оказалось совершенно реакционным. Но отрицательное отношение к Франкфурту требовало от чешских и словенских либералов одновременно энергичного отрицания союза с дворянами, как и этого хотели радикальные демократы.

Известно, что в контрреволюционном характере чешского (или словенского, или хорватского и словацкого) австрославизма не безвинны либералы и некоторые немецкие и венгерские демократы, ибо их шовинизм буквально толкал чехов и хорватов в объятие династии Габсбургов. Существовала, однако, еще одна возможность разрешения отношений между народами габсбургской монархии — если не принимать пока во внимание предложения радикальных демократов —, а именно преобразовать габсбургскую монархию в унию восьми равноправных народных или национальных „федеративных“ частей (включая и чешскую этническую территорию Чехии, Моравии, Силезии и Словакии),¹⁴ о чем и договаривались Палацкий и Альфред Фишгоф с другими на рейхстаге в Кромержиже. Здесь могли австрийские либералы проявить побольше инициативы!

Как мы уже упоминали, также и чешские либералы боялись русской „всеславянской общности“. В манифесте Славянского съезда вновь обращается внимание на „опасность“ русской „универсальной империи“. История Польши и, наконец, и личное знакомство с русскими условиями некоторых чехов, давали право опасаться царского деспотизма и тем самым также опасаться за дальнейшее политическое, социальное и культурное развитие славянских народов, которые были бы „освобождены“ царизмом.

Нет сомнений в том, что Россия еще в 18-ом в. использовала связи с православными жителями турецкой империи. И русское отношение к Турции объективно помогало сначала грекам и сербам, потом также болгарам и румынам. В. Каразин (по происхождению серб) убеждал в 1804-ом году русское правительство оказать помощь сербам, т. е. славянам. 1807-ом году морской офицер В. Броневский предлагал создать славянскую конфедерацию во главе с Россией, как это, говорят, хотели южные славяне. (За

год до этого выступил с подобным предложением поляк Адам Чарторьски в письме к графу П. А. Строганову.) Русское правительство действительно потом в 1811-ом—1812-ом гг. дало указания командиру русских войск турецкого фронта Чичагову использовать лозунги помощи „братским славянам“ и в 20-ых и 30-ых гг. уделяло большое внимание развитию славистики, но о какой бы то ни было „всеславянской империи“ русское правительство не думало. „Русские автократы своего времени не считались завоевателями или освободителями мира.“¹⁵ Уваров советовал царю отблагodarять славянских ученых разными подарками; Паскевич, наоборот, считал симпатии русского общества к „мнимо подавляемым“ славянам „преступной мыслью“. По воззрению Паскевича „подстрекательство к нарушению порядка“ (т. е. порядка габсбургской монархии) наносило бы ущерб царю и России вообще.

Но также и в России возникла в первой половине 19-ого в. идеология, опирающаяся на факт этнической и, в особенности, религиозной близости славянских народов, которая провозглашала ведущую роль России среди славян. Русские славянофилы были в сущности также мессианистами. Они утверждали, что новую эру в развитии общества могут создать только „самые истинные“ славяне, это значит русские, которые вместе с южными славянами сохранили „истинную религию“. В начале русские славянофилы (братья Киреевские, Хомяков, Аксаков, Самарин) доказывали, что наилучшей формой государства является русское царство допетровского периода. Поэтому правительство Николая считало славянофилов скорее своими противниками.

Славянофилы (подобно польским мессианистам) не были едины в своих взглядах: они разделялись на „правых“ и „либералов“. Особое место в русском понимании „славянской идеи“ занимает М. П. Погодин, который из своего путешествия по Европе (30-ые—40-ые гг.) вынес впечатление, что все австрийские славяне ждут освобождения, которое бы принесла Россия. Усилия Погодина при осуществлении политических целей русского понимания славянской идеи (которая явилась скорее религиозно-культурной, чем государственно-политической идеологией) сделали его предшественником русского панславизма, рассчитывающего также на „универсальную (мировую) монархию“. Однако к мемуарам Погодина от 1840-ого и 1843-ьего гг. царь отнесся отрицательно. Циркуляр министерства народного просвещения от 1847-ого г. предписывал полицейским учреждениям — движение западных славян не должно вызывать в России никаких симпатий, потому что Россия имеет „свои собственные интересы“.¹⁶

Существовала, однако, и „другая“ Россия. Еще чешские и словацкие „будители“ говорили о „могучем славянском народе“ и уже в 30-ых гг. осознавали разницу между „правительством“ и „народом“. Эту разницу

потом политически сформулировали польские радикальные демократы в эмиграции и чешские демократы в 1848-ом—1849-ом гг., когда происходила подготовка и осуществление царской интервенции против венгров. Чешские радикальные демократы, критикуя царский деспотизм, верили в будущее русского народа, ибо видели в России революционные силы. Они начинали чувствовать разрастание революции в России, революции, которая могла бы принести свободу не только всем славянам, но и всей Европе!

Первым революционным проявлением в России было движение декабристов в 20-ых гг. Марксистская историография установила, что в данном случае речь идет о более широкой европейской связи — движение декабристов было составной частью освободительного движения и военных „революций“ в 20-ых—30-ых гг. Тайное „Общество соединенных славян“ (1818—1821) и подобное общество братьев Бориса (1823) на юге России думали о создании своего рода федеративной славянской республики, которую установила бы революция. Вообще русские декабристы должны были интересоваться проблематикой сосуществования славянских народов; некоторые из них не только признавали равноправие поляков, украинцев и белорусов, но также осуществляли на практике в вышеприведенных обществах.¹⁷ Даже после разгрома декабристов не исчезло прогрессивное понимание славянской идеи на русской или украинской (И. И. Срезневский) почве. Кирилло-мефодиевское товарищество в Киеве, основанное историком Костомаровым, поэтом Тарасом Шевченко (который с восторгом приветствовал чешского Шафарика) и другими вновь возродило программу объединения славянских народов (но без царизма!) с сохранением их самостоятельности и равенства и при условии отмены крепостничества.

Демократическими славянофилами оказались также левые „западники“ — революционные демократы. И хотя некоторые славянофилы ненавидели поляков, осуждали чехов и отрицали самобытность украинцев или белорусов, Бакунин, Герцен, Огарьев, Пыпин, Белинский и др. признавали обоснованность национального движения славян и, увлеченные желанием коренного изменения режима России, сотрудничали с революционными поляками. Это перед 1848-ым г. был главным образом Бакунин, который мечтал о республиканском федеративном объединении всех славянских стран. Эту идею он пропагандировал также на Славянском съезде в Праге и предлагал создать общий „славянский совет“. Острая антигабсбургская и антинемецкая направленность его докладов (в Праге, говорят, он узнал, что „ненависть к немцам — это основа славянского единства и взаимного согласия среди славян“)¹⁸ не мешала Бакунину сотрудничать весной 1849-ого г. с немецкими демократами.

Демократическое крыло польской эмиграции в Париже призывало в 1832-ом г. к общим революционным действиям с русским народом. Однако

известный манифест Польского демократического общества (Лелевель), побуждающий к единству славян на основе равноправия, требовал восстановления польской границы 1772-ого г. — следовательно в этом случае к Польше бы присоединились и западные части Украины и Белоруссии. Стоит поговорить и о том факте, что политические воззрения Иоахима Лелевеля были известны также некоторым чехам, прежде всего Ф. Заху. В 1841-ом г. в польском демократическом журнале „Orzeł Biały“ (Белый орел) — издаваемом в Брюсселе — опубликовал статью даже Ф. Л. Ригер, который призывал в ней польскую эмиграцию присоединиться „к движению за сотрудничество среди славян“. Летом 1843-ьего г. в небольшой чешской колонии в Париже возникло, благодаря стараниям Заха, общество „молодых чехов“ („Славянское братство“); однако оно не отличалось активной деятельностью.¹⁹

Общеславянские идеалы в революционном смысле слова пропагандировались в 1848-ом г. поляками Б. Трентовским (который тогда призывал к сотрудничеству с революционно настроенными русскими) и Либельтом (Познань), который на пражском Славянском съезде вместе с Бакуниным требовал разгрома габсбургской монархии.

Антигабсбургскими целями отличались также планы сербской молодежи в Белграде, где еще до 1848 г. в тайном „общеславянско-демократическом обществе“ зарождалась идея южнославянского федеративного государства („Основи политични Југославена“ Матия Бана).^{19a}

Направление демократически понимающее славянскую идею в Чехии и у словаков имеет своих предшественников в генерации „молодых“ Маха, Сабина, Калина, Лангр, Клацел, Зах, Кампелик — и в группе „молодой Словакии“ с А. Б. Врховским и Л. Штуром и другими; некоторые из них приняли участие в польском восстании или каким-нибудь образом его поддерживали — Зах, Само Халупка. Что касается „старших“, полякам симпатизировали Шафарик и Челаковский. Еще до марта 1848-ого г. молодой Й. В. Фрич познакомился с польскими демократами в эмиграции. Однако только в революционные 1848-ой — 1849-ый гг. попытались в Чехии сформулировать демократическое понимание славянской взаимности или прямого сотрудничества.

Чешские радикальные демократы сначала не выступали против официальной славянской программы и поддерживали мысль о созыве Славянского съезда. Демократы вместе с либералами осуждали антиславянские тенденции великонемецких стремлений и некоторые из них — Винценц Вавра-Гальштатский — не очень отличались от Гавличка своим аспектом на создание федеративной Австрии с славянским большинством. За „поддержку славянской взаимности с целью укрепления национальности и самостоятельности всех славян в австрийской империи“ (четвертый пункт

устава общества „Славянская липа“) выступали также и радикалы. Однако радикальные демократы в отличие от либералов предупреждали об опасности реакционного движения в Австрии и занимали отрицательную точку зрения по отношению к династии Габсбургов. На Славянском съезде радикальные демократы были представлены довольно многочисленной группой и некоторые из них организовали с Бакуниным тайное общество „Славянские друзья“ (с резко антигабсбургской и антиавстрийской направленностью).

Явный разрыв между радикалами и либералами настал только после Июньского восстания, в котором большинство радикалов с оружием в руках приняли участие в то время как либералы остались в стороне. Еще осенью чешские радикальные демократы находились под влиянием „мелкобуржуазного патриотизма и славянской идеи“. Сабина, например, считал, что венское восстание в октябре 1848-ого г. „главным образом давало отпор славянам“. Однако уже тогда часть радикальных демократов (в том числе и Сабина) все-таки сознавала политические последствия разгрома революционной Вены. Сабина затем в январе 1849-ого г. издал без просмотра цензуры перевод „Обращени к славянам“ Бакунина,²⁰ в котором указывалось на то, что в будущем поведутся переговоры только на развалинах габсбургской монархии: чехов призывали здесь начать революционную борьбу против правительства Габсбургов совместно с революционной борьбой немцев, мадьяр и итальянцев! Высказывая веру в революционные силы России и веру в то, что освобожденная Россия сыграет роль в борьбе за свободу славян и Европы, радикальные демократы осуждали политику чешских либералов, „политику порабощенного славянства“. Сабина писал об этом в мае 1849-ого г. — незадолго до своего ареста: „Мы отстаиваем и всегда намерены отстаивать политику славянскую, однако не ту, которая нам некоторыми правыми в качестве славянской предлагается. Мы стремимся к другой славянской политике, к политике чести и свободы, и отрицаем политику позора... У славянских народов великое будущее, — в том убежден не только всякий сознательный славянин, но и те, кто ясными глазами проанализировали сущность славян.

Однако будущее это не расцветет на стволе незрелом, ибо если суждено славянам и, следовательно, также и народу нашему дожидаться чего-нибудь спасительного, честного, возвышенного, он — народ чешский — должен также мужественно дерзать, чтобы не отстать от других в решении великих социальных вопросов, должен стремиться решить по-своему проблему свободы, равноправия и братства на своей территории и, если это будет возможно, решить также за ее границами, среди своих славянских братьев.“²¹

Эту другую политику славянской идеи радикальные демократы представляли себе как политику симпатий революционной борьбе других наро-

дов. Им удалось в марте 1849-ого г. обойти цензуру и опубликовать перевод обращения Общества для объединения итальянцев и славян, в котором чехи и остальные славяне призывались на общую борьбу вместе с итальянцами и мадьярами против габсбургской монархии. Радикальные демократы добились также после марта 1849-ого г. опубликования целого ряда статей о революционной борьбе итальянского и мадьярского народов, не скрывая при этом своих симпатий. Без конца раздавалось в это время „Элен Кошут!“. После нового Обращения к славянам Бакунина (март 1849-ого года) — против Австрии и против подготавливаемой царской интервенции) чешские радикальные демократы начали сотрудничать с Бакуниным в подготовке восстания немцев, поляков, мадьяр и чехов против Габсбургов. Бакунин считал, что „одновременно с победой революции в Европе укрепилась бы и независимость славянских народов“, которые создали бы „социально-демократические республики“ и могли бы объединиться в федерацию. Преждевременная вспышка восстания в Саксонии помогла Австрии раскрыть также и пражский „майский заговор“, организация которого находилась только в стадии подготовки и ограничивалась лишь несколькими лицами.²²

Вследствие ареста и заключения в тюрьму радикальных демократов в Чехии стало невозможным применение „другой славянской политики“ — политики народной, демократической, революционной, политики сотрудничества между собой революционных представителей славянских народов, — политики, которая не была бы направлена против неславянских народов. Развитие событий в Австрии после марта 1849-ого г. привело в чешских землях и в Словакии к новым проявлениям славянской взаимности, понимаемой в демократическом и антигабсбургском духе. Настроение в Чехии отображал К. Гавличек в июле 1850-ого г. в своем журнале „Slovan“. Гавличек вспоминал о том, как в начале 19 в. „патриоты наши вновь оживили идею славянскую, идею общего и национального братства всех славянских племен, идею, о которой хотя никогда в Чехии не забывали, но никогда также она не овладевала всем народом как в нынешние времена“. Гавличек писал далее: „Славянская идея оставалась уже с того времени главным центром и основой чешской политики и будет ими навсегда, потому что эта идея содержит очень здоровую и правильную мысль о том, что народы одного типа в одинаково тяжелых обстоятельствах, лучше всего могут помогать друг другу, добиваясь общей победы.“ Гавличек здесь думал о том, что Австрия могла бы стать „родиной чехов и словаков, определенно южных славян и потом также или поляков или русинов...“

„Либеральная славянская политика“ — такими словами обозначал Гавличек воззрения свои и своих друзей — позволяла теперь, после 1848 г., совершенно ясно сотрудничество даже с неславянскими народами. Гавличек

рассчитывал тогда на возможность того, что в оппозиции против централистического государства в Вене славяне будут „сотрудничать“ прежде всего с румынами, итальянцами и частично также с мадьярами. Свое негодование централистическим государством в Вене выразил Гавличек, например, и следующими словами: „Лучше русский кнут, которого столь боятся великонемецкие журналисты“. Но Гавличек начал различать царский кнут и русский народ. Он осознал, что „что-то другое русские, наши славянские братья, народ великий, способный, народ с великим будущим, от которого и все мы остальные, более слабые, племена славянские много хорошего ждем в будущем — и что-то другое — русское правительство“.²³

Подобным образом выражался также поляк Эдмунд Хоецки, участник Славянского съезда, который верил, что после падения царизма восстановится Польша и произойдет „омоложение Европы“. В противоположность этому Штур в своей работе „*Das Slawentum und die Welt der Zukunft*“ (Славянство и мир будущего) полагался на Россию, не принимал во внимание ее государственный строй, отстаивая лишь основной тезис славянофилов о продажном и подкупном Западе и о будущем славян. — Большинство демократов славянских народов осуждали реакционный царизм, а в течение Крымской войны польскими либералами еще больше углублялось их анти-русское отношение.

Мы не хотим объяснять, а это, впрочем, также и не нужно для нашей работы, конкретные межславянские связи и отношения, чтобы убедительно продемонстрировать смысл или значение идеи славянской взаимности (славянской солидарности), или препятствий в развитии и применении последней. Славянские народы и их отдельные общественные группы занимали разное положение и должны были поэтому выбирать часто разные методы в своей политической и иногда также и культурной деятельности. Сжато можно подытожить (период по 1848-ой—1849-ый гг.), что все славянские народы уделяли внимание идее взаимности; поляки и сербы думали о полной государственной самостоятельности, тогда как чехи и хорваты о равноправии в рамках габсбургской монархии. Славянские народы — одни раньше, другие позже, одни более, другие менее интенсивно — но все рассчитывали на определенную помощь России. Действия России против Турции, например, сербам действительно приносили помощь. В Польше, однако, русские (царизм) выступали в роли оккупантов.

В то время как поляки, политически самая развитая славянская нация (и поэтому также больше всех дифференцированная), не изменили и во время Крымской войны своего антицарского отношения к России, у чехов (либералов) оно изменилось. „Домашние“ поляки хотя и не могли за 1853—1855-ый гг. публично выразить свои взгляды, они были на стороне антицарской коалиции. Эмиграция напротив вела борьбу против России

очень активно, ее цель — парализовать русское влияние на Балканском полуострове при помощи сети своих агентов в Сербии и в других странах. Чешские либералы в большинстве случаев стояли на стороне России (разумеется, не выражая этого), ожидая от нее помощи против австрийского абсолютизма: часть либералов и некоторые радикальные демократы одобрляли борьбу против царской России, не забывая разницу между царизмом и народом. В общем можно о положении в Чехии сказать, что здесь в условиях так называемого абсолютизма Баха и в дальнейшем думали о „славянской идее“. Австрийское правительство, узнав о положительных воззрениях некоторых более значительных лиц в России, стало бояться русской „панславистской пропаганды“ или же отклика ее у славянских наций. Интересные воззрения о будущем славян и о руководящей роли России среди славян высказал в период Крымской войны чешский либерал А. М. Пинкас. Хотя и сам ориентировался прозападно (восхищаясь главным образом Англией), в 1855 г. он пришел к заключению, что „носителями будущего славян, есть ли у них какое-нибудь, будут только русские“.²⁴ В Сербии,²⁵ в Черногории и в Болгарии (а также и в Греции!) общественное мнение во время Крымской войны было на стороне России. Официальные правительства балканских стран были вынуждены, однако, в результате вмешательства держав, сохранять нейтралитет и, что касается Сербии, Австрии удалось отменить русский протекторат, заменив его гарантией европейских держав.

* * *

Различное отношение буржуазии или буржуазных демократов отдельных славянских народов к идее „взаимности“, к сотрудничеству, различные воззрения на Россию, различная оценка и участие в отдельных предложениях при решении государственно-политических отношений в центральной и юго-восточной Европе в период 40-ых и 50-ых гг. служат доказательством не „славянской разобщенности“, а доказательством естественной классовой дифференциации, различных интересов и нужд тех или других групп отдельных славянских наций; в вышеприведенных областях продолжала действовать традиция государственности и играли роль политическое сознание, готовность и мужество отдельных лиц и групп к и в пропаганде тех или иных идей. Но все-таки у славянских народов — прежде всего у тех, которые находились под властью габсбургской монархии — было много общих интересов. И поскольку уже в 60-ых гг. речь шла о завершении буржуазной революции в центральной Европе, и поскольку объективно существовали общенациональные задачи угнетенных славянских народов, мысль о необходимости общих действий со стороны всех славянских народов продолжала получать мощные импульсы.

После падения абсолютизма Баха в Австрии вновь возникла возможность пропаганды и осуществления целей национально-политического движения и тем самым в Чехии, в Словакии и в Хорватии вновь началось оживление „славянской политики“.²⁶ В ежедневной печати начала 60-ых годов опять появляются многочисленные статьи о славянской взаимности, публикуются статьи из России и о России, пишут о жизни в южнославянских землях, реферировалось движение в Польше и т. п. Правду сказать, и теперь в 60-ых гг. благодаря бывшим радикальным демократам и их сторонникам в журнале „Hlas“ (1862) начались дискуссии о понимании славянского вопроса. Демократам удалось повлиять на часть либералов — младочехов — и привлечь их к участию в актах проявления симпатий к польскому восстанию в 1863-ьем г. Как известно, в то время среди чешских политиков чуть ли не разразился кризис или полный разрыв; одни были на стороне поляков, другие на стороне России. 1863-ий г. вызвал в Чехии „второй кризис“ в понимании славянской идеи. Однако понимание славянской идеи демократами или младочехами и конкретно понимание полонофильства не было последовательным и прочным: оно не помешало восстановлению „либеральной славянской взаимности“ (Кампелик, 1860-ый г.), которая была в действительности австрославизмом 1848-го года — конечно, „более реалистическим“, т. е. более оппортунистическим. В то время как австрославизм 1848-ого г. был для либерально настроенных чехов и хорватов истинной целью, буржуазия этих двух славянских народов рассматривала свою пропаганду „славянской взаимности“ в 60-ых гг. главным образом как средство давления на австрийскую династию и правительство с целью осуществления федерализации монархии, хотя бы и не на вполне демократической основе. В 1865-ом г. Палацкий уже открыто угрожал Вене в своем произведении „Idea státu rakouského“ (Идея государства австрийского): „Если не осуществится в Австрии равноправие народов и если будут славян считать ‚племенем подчиненным‘, вспыхнет борьба и зародится ‚панславизм‘ в форме менее всего желаемой“. Чешская буржуазия действительно потом реагировала на объявление австро-венгерского примирения в 1867-ом г. демонстративным участием в „поездке в Москву“, где представители славянских народов должны были заложить „основу взаимности всех племен славянских, которая, главным образом для славян, входящих в габсбургскую монархию, должна была обеспечить тот оплот национального развития против любых грядущих бурь, которого здесь дома напрасно добиваются“.²⁷

В действительности в Москве, где одновременно была организована большая этнографическая славянская выставка, состоялось несколько встреч русских, чешских и южнославянских представителей, что дало право говорить также о „втором славянском съезде“. Устроители, кажется, подготов-

ливали этнографическую выставку с целью организации какого-то „подготовительного славянского парламента“.

Уже одно приглашение на этнографическую выставку (в апреле 1867-ого г.) вызвало в Чехии новые русофильские проявления. Официальные чешские политические деятели приняли приглашение потому, чтобы показать свое возмущение, вызванное отрицанием чешских стремлений договориться с Веной. Чешские политические деятели хотели одновременно проверить в Москве, какие внешнеполитические цели ставит, собственно говоря, русское правительство по отношению к габсбургской монархии, к дальнейшему существованию которой тогда относились очень пессимистически. В Чехии существовало довольно распространенное убеждение, что предлагаемый австро-венгерский дуализм повлечет за собой разложение и падение монархии. И так как предполагали, что габсбургское наследство „поделит“ между собой Пруссия и Россия, то чешские политические деятели боялись, что Россия удовлетворится только Галицией и Венгрией и оставит чешские земли „на произвол“ Пруссии. Поэтому надо было „прозондировать“ почву в Москве и оттуда действовать против этих предполагаемых планов.²⁸

Австрийское правительство „позволило“ чешской делегации (вместе с словаками — 27 человек) принять участие в московской этнографической выставке, тайком радуясь, что поездка в Россию повлияет на внутреннюю политическую жизнь Чехии: Австрия рассчитывала тогда на то, что среди чехов продолжает существовать сильное полонофильство и что, следовательно, явное русофильство может углубить раскол в чешских официальных политических кругах. Одновременно, однако, австрийское правительство и династия с полным правом боялись, что цели московской выставки не будут „чисто научными“, а перевес получат „цели политические“. Венская „*Neue freie Presse*“ открыла кампанию против опасности панславизма.

Но хотя и в чешских землях действительно продолжало существовать довольно сильное полонофильство, отрицательно к поездке в Россию (1867) отнесся, правда, только Й. В. Фрич, живший в эмиграции. Также чешские землячества в Париже, Берлине, Дрездене и в странах за океаном высказывались за поездку чешской делегации в Москву. Ригер с Палацким обещали в Париже (май 1867-ого г.) польской консервативной эмиграции (Л. Чаргорыскому и Замойскому) попытаться в Москве улучшить отношение русского правительства к полякам. Поляки — дома и за границей — отказаться от участия в московской выставке: эмигранты из-за своей принципиальной ненависти к царизму, жители Галиции — из-за своего сотрудничества с династией Габсбургов. Из Галиции приняли участие в „московской поездке“ три украинца, среди них Якуб Головацкий, профессор львовского университета. „Русские“ украинцы отказались от приглашения.

В противоположность этому южные славяне²⁹ приглашение в Москву приняли. Но и у них принятие решения не обошлось без прений. 1863-ий г. вызвал „раскол“ также среди сербов, либерально буржуазные политические деятели которых и, главным образом, демократы (Маркович) симпатизировали полякам. Против русофильства старших „православных славян“ выступила молодежь (Александр Сандич): Во-первых мы сербы, а потом славяне (понимай — „всеславяне“!). Приглашение в Москву пришло прежде всего членам Сербского ученого общества, которые — с согласия князя Михала Обреновича — его в общем приняли. В Россию поехали и некоторые другие „неполитические“ сербы (всего 12 человек). Черногория была представлена двумя делегатами, Болгария — одним. Приглашение приняли также венгерские сербы из Хорватии (Йован Суботич) и из Воеводины (всего 16 человек). Также хорваты (10) приглашение приняли, выразившись о русско-польском споре в том смысле, что у них нет основания любить больше тот или другой народ, но потому что славянским народам Россия нужна, надо туда ехать. Официально, однако, принималось приглашение сначала как бы с чисто научной целью. И действительно в Россию не ехал ни один выдающийся политический деятель; это произошло прежде всего потому, что как раз в мае 1867-ого г. состоялось заседание хорватского земского сейма; некоторые хорваты, может быть, испугались угроз немецкой и мадьярской печати. Из словенцев поехали в Москву три делегата; среди них известный Матия Маяр.

Кроме того участие в съезде приняли венгерские украинцы, словаки и лужицкие сербы. Всего приехали в Россию 84 иностранных гостя.

О „московской поездке“ и о настроении участников имеются подробные информации. Участники думали, что „Россия — страна славянская“; это впечатление закрепилось потому, что в честь их приезда проводили и устраивали манифестации и банкеты и т. п. Действительно организаторы создали вокруг своих гостей атмосферу общеславянского настроения. Поэт Тютчев написал тогда стихотворение „Братьям славянам“, в котором предсказывал славянским гостям, что все они вскоре будут увлечены царем-освободителем. В частных и даже публичных выступлениях (славянофила Ламанского) предлагалась идея единого „общеславянского языка“, но это не понравилось, например, Палацкому и сербу Миличевичу; Ригер писал в Чехию, что он не будет вдаваться в политику, а будет действовать „в границах общей взаимности славянской“. В частной жизни даже чехи выражались очень радикально, с антиавстрийской направленностью. Но зато заслуживает восхищения выступление Ригера, который в обстановке общеславянского настроения и в антипольских намеках организаторов выставки смело потребовал от русских „братской любви“ к полякам. В противоположность планам основания „общеславянского университета“ в Вар-

шаве и в противоположность фантазиям князя Константина о создании „западного“ славянского государства (в случае распада Австрии) на запад от Вислы, центром которого была бы Прага, или о создании южнославянского государства во главе с Белградом, Палацкий подчеркивал следующие общие для славян цели: Распространять славянскую науку и литературу, пробуждать национальное сознание и солидарность среди славян и таким образом готовить истории славянских народов. Сначала необходимо воспрепятствовать германизации и мадьяризации, потом укрепиться „в моральном и психическом“ отношении, чтобы Запад признал наши „стремления к цивилизации“. В Москве организаторы и гости договаривались также и необходимости созывать раз в два года славянские конгрессы, на которых должны были бы решаться вопросы науки, литературы и вообще „духовной взаимности“.

Дальнейшее развитие событий, однако, не благоприятствовало этим намерениям. Не была основана ни „Общеславянская матица“, ни общеславянский журнал. „Славянская заря“, которая стала издаваться в Вене (на русские деньги!) как орган для „славянской политики и литературы“, пропагандировала „федеративное объединение“ славян вместе с австрийскими народами „под великолепным жезлом Габсбургского дома“. Заря вскоре прекратила существовать.

Чешские участники этнографической выставки в Москве возвращались домой „с твердым убеждением и с непоколебимой верой, что также для западных славян кончатся дни чужого гнета и чужого насилия“. Поскольку нам угрожают оружием австрийские немцы и мадьяры и начинается борьба с турками — говорится в декларации чешской делегации — то мы должны стремиться к более тесной духовной связи с родственными славянами. Национальная идея не должна вызвать в центральной Европе раздробления славян. Если мы осуществим славянскую солидарность, наступит конец страданиям наших народов. — В газете пропагандировался русский язык (также в Хорватии и в Сербии, где он стал с 1868-ого г. обязательным предметом в школах), шарманки играли русский гимн и в частных кругах говорили (как сообщал моравский наместник) о присоединении чешских земель к России как о единственном средстве спасения от германизации в случае, если бы существование Австрии находилось под угрозой (Пруссии). Младочех Юлиус Грегр, участник „московской поездки“, писал Й. В. Фричу: „Что касается политической стороны, то здесь единственной целью славянской идеи считаю осуществление федерации всех славянских народов на основе равноправия. Я предлагаю унию славянских государств, в которых должна развиваться политическая и общественная свобода на основе того равенства и тех демократических воззрений, которые сохранились у славян в качестве золотых зерен, не испорчен-

ных пока феодализмом Запада.³⁰ Участники „московской поездки“ были убеждены, что „единству немецкому“ (т. е. сотрудничеству Австрии и Пруссии) может противостоять только „единство славянское“, опирающееся на Россию. Чешские газеты убеждали в 1867-ом—1871-ом гг. своих читателей, что не надо бояться за „наше будущее“, потому что „чешский вопрос является делом славянства“ и „Россия -- новое славянское государство — будет защитником славянских народов“ и т. п. Хотя консервативные русофилы Словакии встретились в 1869-ом г. с оппозицией так называемой Новой школы, но наконец все-таки интерес к России получил перевес и словацкая газета „Ludove povinny“ перепечатывала из русской печати разные статьи (например, также статьи генерала Фадеева — см. далее!), в которых полякам, чехам и также словакам советовали объединить свои действия против нарастающей „тевтонской опасности“.³¹

Эта новая волна русофильства и славянофильства вообще в чешской политической жизни (также на митингах в 1868-ом—1870-ом гг. провозглашали лозунги славянской солидарности) однако не была проявлением „политического панславизма“, как стремилась доказать немецкая либеральная печать. Чешская официальная политика не занималась вопросами разгрома габсбургской монархии и „слияния“ с Россией. Впрочем чешские газеты с радостью сообщали, что в России существуют „политический панславизм“ (цель которого — „общеславянское государство“) и „литературный панславизм“ (общие цели в науке и литературе вплоть до стремлений к единому „общеславянскому языку“) и „духовный панславизм“ (общность духа, солидарность, братская помощь), причем, говорят, главное значение придается последнему.³²

К предложениям общего славянского комитета (см. об этом далее) чешские политические деятели высказывались в большинстве случаев сдержанно и не поддерживали и журнала „Славянская заря“. Чехи пытались тогда, на переломе 60 и 70 гг., искать помощи также во Франции. Но там они нашли новые импульсы для славянского сотрудничества. Как можно узнать из журнала „Correspondence Slave“ (издаваемого на чешские деньги в Праге) от 26 февраля 1870 г., Ригер думал о созыве „общего славянского конгресса“ (весна 1871 г. — Швейцария). Ригер думал главным образом о переговорах с славянской эмиграцией на Западе, прежде всего с поляками. После Крымской войны некоторые поляки в эмиграции, разочарованные Западом, предлагали даже соглашение с Россией (Генрик Кампиеньски); конечно в общем польская западная эмиграция отстаивала противоположную позицию и заняла отрицательное отношение к участию чехов и словаков в Москве (1867 г.). Группа „Hotel Lambert“ (Чарторишские) отказывалась в период 1868—1870 гг. вообще от „славянской фразеологии“ или же „славянской политики“ и пропагандировала сближение галицких

поляков с Австрией. В. Чарторыски не возражал даже против соглашения с Германией.

Как же выглядела обстановка в России?

В России действительно в 60-ых гг. славянскими делами стала интересоваться более широкая публика — и официальные круги, возмущенные вероломностью поведения австрийского правительства во время Крымской войны, этому интересу не мешали. Впрочем, царизм вновь в 1853-ьем—1855-ом гг. провозгласил некоторые лозунги борьбы за славянские цели, чтобы найти, таким образом, союзников против Турции. Но грандиозные предложения славянофилов, главным образом М. П. Погодина разгрома габсбургской монархии и создания новых государств и их союза с Россией (к „славянскому союзу“ присоединились бы по „географическим доводам“ также Греция, Венгрия, Молдавия, Валахия, Трансильвания — и азиатская Турция!) выражали мнения небольшого круга частных лиц. Погодину и Аксакову позволили в 1857-ом—1858-ом гг. создать в Москве „Благотворительный славянский комитет“, который привлекал бы сторонников прежде всего к балканским славянам (которым советовал сохранить православие!), поддерживал школьное дело на Балканах, обеспечивал бы стипендии для южнославянских студентов, посылал книги и т. п.

Самым выдающимся делом Благотворительного славянского комитета была организация этнографической выставки в Москве и „второго славянского съезда“ в 1867-ом г., который вызвал в России атмосферу восторженного отношения к южным и западным славянам. Хотя сейчас же после выставки стали раздаваться жалобы на то, что „славянское движение“ (в России) погасло, но в 1868-ом г. были организованы другие славянские общества в Петрограде и в Киеве . . . , которые стали теперь больше заботиться об австро-венгерских славянах. По случаю торжественного заложения камня для здания Национального театра в Праге (май 1868 г.) члены русской делегации (среди них также Вл. Ламанский призывали чехов и других славянских делегатов к созданию общего славянского комитета.³³ На тайном свидании в парке Стромовка (чешскими источниками, однако, не подтвержденного) должен был решиться созыв славянского съезда в Белграде (1869 г.). Русские участники пражских торжеств договаривали затем (в конце мая 1868 г.) в Вене (наверно с помощью русского посольства) возможность оказать финансовую поддержку журналу „Славянская заря“ (который издавался священником, русского посольства — М. Раевским) и славянским студентам в Вене.

Укрепление Пруссии (1866—1871) не могло не вызвать определенной реакции в России. На постепенное объединение Германии реагировали генерал Р. А. Фадеев, который написал в 1867-ом г. серию статей о необходимости реорганизовать русскую армию, чтобы она могла защитить Россию

от „западной Европы“. В 1870-ом г. Фадеев в произведении о „восточном вопросе“ уточнил свои воззрения на „неприятеля“, сузив их до Германии, которая стремится покорить чехов и других славян. Если русское правительство будет поддерживать славян, конечно, они перейдут на сторону русских войск. Впрочем, путь в Константинополь идет через Вену — намекал Фадеев правительству. Прежде всего надó было бы присоединить к России восточную Галицию и Бессарабию, поляки (в рамках этнографической границы) будут членами федеративного союза государств, к которому присоединится и Константинополь. В предстоящей борьбе с Германией пусть Россия и славяне ищут помощи у Франции! — Правительство, однако, не послушалось этих советов. Царь говорил правду в разговоре с австрийским посланником в 1867-ом г.: Австрийский император не может никогда думать, что я хотел бы отбить у него подданных. „Поездка“ и все демонстрации идут в разрез с моими принципами, я не оказал им поддержки, жалею их.³⁴ Фадеев и позже также генералы Черняев, Скобелев были уволены из армии.

Ответом на прусскую политику была также серия статей естествоведа Н. Я. Данилевского в журнале „Заря“ (1869), которые были изданы в 1871-ом г. в книге под названием „Россия и Европа“ (с подзаголовком „о культурных и политических отношениях славянского мира с германским“).³⁵

Данилевский считается главным теоретиком русского „политического панславизма“, потому что его книга предлагала создать общеславянскую федерацию России (в том числе и восточной Галиции и венгерской закарпатской территории, где жили украинцы), Чехии, Моравии и Словакии (одно государство), — Венгрии, Румынии, южнославянского Балкана, Греции и Константинополя. Поляки могли бы принять участие в федерации только при условии их слияния с Россией.

Издатель „России и Европы“ — Н. Страхов — назвал эту книгу (была издана в России до 1895-ого г. всего 5 раз) „катехизисом славянофильства“. Данилевский действительно повторяет славянофильский тезис об „упадке Европы“, как его проповедывали уже раньше польские мессиансты, словак Штур, серб Орешкович и другие. Данилевский, однако, не повторяет славянофильских принципов об „универсальной миссии“ славян и больше исходит из современной международной обстановки.

Но и при „более реалистическом“ взгляде на славянство Данилевский был также фантазером, планами которого восхищались позже и некоторые чешские „всеславяне“.³⁶ Официальная Россия не обращала никакого внимания ни на подобные предложения славянских авторов И. С. Аксакова, О. Миллера, В. И. Ламанского (перевел в 1867-ом г. „Славянство и мир будущего“ Штура), Киреевского, Соловьева и других, которые в 70-ых гг.

доказывали, что „Россия — это носитель славянской идеи“ и что „предвидение вызывает Россию и все славянство на борьбу с германо-романским миром“ и т. д.

Несомненно правители России рассчитывали в своих планах на Балканах на славянские лозунги. Известный русский дипломат Игнатьев представлял себе, что „нашими союзниками“ и „орудием нашей политики против германства“ станут как турецкие, так и австрийские славяне. Официально, однако, победила линия соглашения с Австрией (договор трех императоров — русского, австрийского и немецкого — в 1872-ом г.). И эту линию австро-русского соглашения вскоре приняла и чешская буржуазия, несмотря на то, что в 1871-ом г. она была возмущена отношением Вены,³⁷ т. е. отклонением так называемых „фундаментальных законов“ и даже упрекала сначала русское правительство в „непонимании“ своей роли. В 1874-ом г., однако, в Чехии писали: Так как в результате дружбы Австрии с Россией „стены пали“, есть возможность внедрять и поддерживать славянскую идею, не опасаясь подозрений, потому что „любое проявление славянской взаимности никогда не теряет чисто консервативно австрийского характера“.³⁸ Эта новая черта чешского австрославизма — стремление к соглашению Австрии и России — осталась прочной чертой чешской „внешней политики“ буржуазии вплоть до военного периода (до 1914-ого г.). Этот чешский „австро-русославиизм“ был реакционным — и, одновременно, нереальным. Хотя царизм в дальнейшем и относился к Австрии лояльно (до вмешательства в балканские дела в 1877-ом—1878-ом годах русское правительство сначала советовалось с Берлином и с Веней, которой обещало Боснию и Герцеговину в качестве „доли“ из турецкой добычи), но Австрия боялась русских действий на Балканском полуострове и их влияния на „домашний панславизм“.

Подобно тому как и чехи примирались с Австрией, часть дворянства и буржуазии польского королевства искала опять „ugodu“ с царизмом, пользуясь при этом разными славянскими лозунгами (А. Швиентоховски, Й. Крашевски). Некоторые польские авторы думали, подобно тому как чехи, о „русско-австрийском славянском сближении“ (Е. Мошиньски). Также при австрийском захвате Польши пользовались некоторые отдельные лица славянскими лозунгами. Редактор журнала „Kraj“ А. Щепаньски, который пропагандировал общие действия славянских народов против германизма, писал также Славянскому комитету в Москве. Не получил, однако, ответа: его воззрения на славянское сближение, основывающееся на началах демократии или же федерации и самоуправления, казались М. Погодину, вероятно, слишком смелыми.^{38a}

Культурное и политическое славянофильство продолжало и впредь жить у южных славян — в 60-ых гг. даже у словенцев и хорватов (последние,

однако, в 1868-ом г. „примирились“ с мадьярами) — и, главным образом, у сербов, черногерцев и болгар. Внутренняя политика Сербии при князе Михале Обреновиче (1860—1868) подчинялась обширным целям внешней политики: избавлению земли от турецких войск, осуществлению освобождения и объединения всех сербов или всех южных славян в одно государство (см. „Начертание“ Гарашинина!) и созданию антитурецкого союза балканских государств под руководством Сербии. Сербия в действительности достигла в этом смысле определенных успехов. Она создала довольно обширную сеть тайных агентов в славянских землях европейской Турции, вошла в соглашение и в военную унию с Черногорией — да и с Грецией! — и договорилась с болгарским эмигрантским благотворительным обществом русофилов (находящимся в Бухаресте) о будущем объединении Болгарии и Сербии в персональную унию. Этот, довольно обширно, затеянный план имел своих сторонников даже среди венгерских сербов и хорватов. Западные империи и в особенности Австрия протестовали, однако, против сербской антитурецкой агитации, Россия советовала „осторожность“ и на балканских союзников нельзя было полагаться из-за их недостаточной военной силы. Михал Обренович поэтому пытался в 1867-ом г. достичь „соглашения“ с Турцией. Его твердое абсолютистское правительство вызывало недовольство; в 1868-ом г. князь был убит своими противниками. Австро-Венгрии затем удалось подчинить Сербию экономически. Новое сербское правительство запретило (1872) деятельность „Объединенной сербской молодежи“ (Омладины); движение за объединение всех сербских земель происходило также под лозунгами славянской солидарности.

Традиционно сильное русофильство у болгар, усилившись во время Крымской войны, продолжало существовать также в 60-ых и 70-ых гг. В то время как часть зарождавшейся крупной буржуазии была настроена в духе туркофильства, в идеологии национально-революционного движения широких масс крестьян и ремесленников важное место занимал лозунг взаимной помощи славянских народов или балканских народов вообще. Васил Д. Стоянов сообщал во время своего пребывания в Праге многочисленным читателям журнала „Národní listy“ в 1863-ьем г. о том, что главным образом идея сербо-болгарской федерации „у нас укоренилась так глубоко в нашем сердце, что нельзя ее ничем уничтожить. Она является единственной спасительной и благотворной звездой нашей, нашим единственным и самым дорогим лозунгом. Идея эта — это основа решения восточного вопроса“.²⁹ Болгарской национально-революционной идеологии мы коснемся позже. Напомним теперь еще о Благотворительной группе, которая выражала мнение русофильски настроенной крупной буржуазии, готовой сотрудничать с Обреновичем за сербоболгарскую федерацию, но отказывающейся от революционной программы восстания против Турции.

Мы сжато указали на политическую сторону сербского и болгарского славянофильства. Последнее, конечно, было намного сильнее — прежде всего в культурной области, как об этом свидетельствует знание русской литературы — Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Добролюбова, Гоголя, Крылова, Шевченко, — далее Белинского, Чернышевского, Писарева — конечно также славянофилов Хомякова, Аксакова — в южнославянской среде. Сербские зарубежные студенты приносили из России и Швейцарии на Родину также знание социально-политических идей Герцена и остальных русских революционных демократов, которые сыграли важную роль в развитии радикально и революционно-демократической идеологии славянских народов.

Остается еще дополнить польское отношение к идее „взаимности“ славян в период 60 и в начале 70 гг.

Противоцарская агитация польской официальной политики в Галиции и западной польской эмиграции (так называемой „молодой эмиграции“ 1863—1864 гг.) достигла кульминации в 1867 г. — во время „поездки в Москву“. Как известно, в „славянском съезде“ в России (1867) поляки участия не приняли и строго осуждали участие чехов и словаков. В этой противоцарской кампании помогал польской печати (1867) также Й. В. Фрич. Некоторые польские публицисты-эмигранты помогали опять Фричу привлекать сторонников из Галиции для сотрудничества с чешскими политическими деятелями.⁴⁰

Принять участие в этом польско-чешском сотрудничестве были, однако, готовы только некоторые галицкие политики (Фр. Смолка, князь Сапиега), которые одновременно думали о более широком „славянском сотрудничестве“. В период 1868—1870 гг. в Галиции издавался также „политический двухнедельник *Słowianin*“. За сотрудничество поляков с чехами высказывались иногда также тешинские газеты *Gwiazdka Cieszyńska* — конечно за сотрудничество в рамках Австрии.⁴¹ С газетой *Гвиздзка* сотрудничал известный позже славянофил Йозеф Хоцишевски, который, будучи еще студентом (конец 50 гг.) восхищался идеей объединения славян и писал часто о своих идеалах в различных польских журналах. Однако официальная польская (галицкая) политика подозревала проявления славянского сотрудничества (главным образом в том случае, если их импульсы исходили из Чехии) в панславизме и видела в них помощь царской России. Панславизмом представлялись для польской печати, например, совещания, состоявшиеся в Праге (май 1868 г.), панславизмом должны были быть также воззрения русской либеральной печати периода 1870—1871 гг., говорящие об обязанностях России по отношению к славянским народам (против Германии и Австрии).⁴² Более благоприятное отношение к чешским предложениям „славянского сотрудничества“ часто занимали познанские поляки.

Демократическая часть польской эмиграции часто занималась вопросами положения Польши и славян. После „поездки в Москву“ негодовали на чехов также демократы, но все-таки часть их и в дальнейшем рассчитывала на них и на другие славянские народы как на сотрудников или же союзников в борьбе за освобождение Польши и за преобразование средней Европы. Один из поляков даже предлагал Фричу и Сладковскому созвать в Констанцу (декабрь 1869 г.) „славянский собор“, на котором славянские теологи, политики и ученые потолковали бы о Яне Гусе, о его принципах и жизни. На этом соборе можно было бы поговорить также о создании „славянской империи“ и создать предварительный комитет представителей всех славянских народов.⁴³

Более реальные воззрения на сотрудничество поляков с чехами и словаками и вообще на „славянское сотрудничество“ высказывали друзья Фрича — Й. Жулиньски а Й. Амборски, которые одновременно говорили о сближении чехов и словаков с мадьярами, переговоры с которыми велись в период 1863—1864 гг. За сближение с чехами говорил в польской эмиграции известный генерал Босак-Гауке. Однако, это уже относится к новому вопросу — к вопросу отношения радикальных демократов к славянской взаимности и сотрудничеству.

* * *

Чехословацкая и зарубежная марксистская литература посвятила большое внимание программе и деятельности радикальных демократов в 60-ых и также в 70-ых гг. Известно также отношение демократов к „славянской взаимности“. Заранее можно сказать, что отношение радикальных или революционных демократов к славянской взаимности представляется для нас одним из решающих критериев в оценке буржуазных славянских программ и славянофильских настроений народных слоев отдельных славянских народов. Демократические и революционные представители славянских народов не отрицали идеи славянской взаимности; наоборот, признавали и принимали ее, но прежде всего как один (а не единственный) из лозунгов революционного сотрудничества среди славянских народов. Радикальные демократы не подразумевали под славянской взаимностью некую особую „славянскую идеологию“ или некую особую „славянскую программу“, а подчиняли ее (идею славянской взаимности и солидарности) целям освободительной борьбы своего народа и вообще всех поработенных народов центральной и восточной Европы, действуя вместе с демократами и революционерами остальных неславянских народов. Радикальные демократы думали иногда о „славянской федерации“, но при этом имели в виду также самобытность и равноправие отдельных народов — славянских и неславянских. Впрочем, предложения и представления славянских демократов о федера-

тивной организации центральной и восточной Европы исходили из прогрессивного содержания высказываний и предложений Кошута, Мазини и Гарибальди о создании конфедерации народов средней Европы.

Как мы уже предупреждали, нами включаются в демократическое и революционное понимание славянской идеи радикальные демократы 40-ых и 50-ых гг. Своеобразную личность представляет собой среди них русский Бакунин, который в разных случаях пропагандировал от 40-ых вплоть до 70-ых гг. „славянскую демократическую (или республиканскую) федерацию“ (с резкой антинемецкой направленностью в период 1848-ого года).⁴⁴ Во время пребывания в западной Европе и во время своей деятельности в славянской секции I-ого Интернационала (Цюрих 1872) Бакунин предлагал бороться с проявлениями панславизма и пангерманизма. И в дальнейшем подчеркивал необходимость государственной самостоятельности для славян и остальных поработанных народов; рассматривал ее, однако, вне связи с задачами международного революционного рабочего движения, возглавляемого I-ым Интернационалом.

Главным представителем русских революционных демократов был А. И. Герцен; он подходил к „славянскому вопросу“ как принципиальный критик общественных отношений в России, отрицательно относясь к русификации украинцев или поляков и высказываясь за полное равноправие не только поляков или украинцев, но также литовцев и финнов. Герцен мечтал об освобождении поляков „от России и от Германии“, мечтал о „братском объединении русских с поляками“, но одновременно требовал, чтобы поляки („помещики“) отдали землю крестьянам. В период Крымской войны Герцен выступал за поляков и верил, что также как после 1812-ого г. наступил в России 1825-ый г. (декабристы), произойдет после 1855-ого г. (Крымская война) новый „освободительный подвиг“. Потом Польша соединится с свободной Россией и из этой свободной унии затем возникнет „свободная уния всех славян“. Герцен мечтал о том, чтобы славяне подали друг другу руку для создания братского союза, но не для того, чтобы создать вместе с Россией огромную — и бессмысленную — империю.⁴⁵ Хотя Герцен отрицательно относился к немецкой ненависти к славянам, он одновременно предупреждал западных славян о петроградском Зимнем Дворце, который считал менее всего русским и славянским в тогдашней России. Однако, он сам, будучи русским, подчеркивал, что солидарность, соединяющая Россию со всем славянским миром очевидна и что нельзя от нее отказываться. Он не хотел полного разрыва между славянскими народами и также признавал возможность федерации славянских (конечно свободных!) народов, когда пришло бы ее время.⁴⁶ Герцен верил, — и вместе с ним также Н. Н. Огарев,⁴⁷ что Россия — конечно, революционная и народная — поможет славянским народам.

Взгляды Герцена на „славянский вопрос“, которому он уделял много внимания в своей обширной публицистической деятельности и в политической работе во время эмиграции (сотрудничал с поляками), можно обобщить следующим образом: Хотя он понимал этот вопрос как „целое“, но решал прежде всего отношение русских к полякам и русских к украинцам или поляков к украинцам.

Вопросом славянских народов занимался также и другой русский революционный демократ — Н. Г. Чернышевский, который косвенно предупреждал австрийских славян не повторять больше своей ошибки 1848-ого г. и не бросаться в объятия „австрияков“; Чернышевский одновременно высказывал надежду, что даже мадьяры не спровоцируют славян. Чернышевский считал, что „единственный выход из всех затруднений“ — принятие мадьярами идеи федеративного союза стран, расположенных вдоль Дуная — от Братиславы вплоть до Черного моря: следовательно, союза с словаками, хорватами, сербами и румынами.⁴⁸ В то время как публицист И. Г. Головин в середине 60-ых гг. в книге „Революционная Европа“ развивал идею „соединенных славянских государств“ (подчеркивал одновременно антицарский характер этой славянской конфедерации)⁴⁹ включая и Россию, польские демократы-эмигранты в 60-ых гг. обдумывали планы создания конфедерации без России.

Польские радикалы (например, Я. Домбровский) одновременно встали на защиту прав украинского народа — против националистических тенденций большинства польской западной эмиграции. Однако, так далеко, чтобы уже тогда сформулировать право самоопределения для украинцев или белорусов и остальных народов бывшей „Речипосполитой“, они не нашли. Они думали, что украинцы („Русины“ — как называли их тогда), литовцы и белорусы могли бы создать вместе с поляками „славянскую федерацию“. Польские революционные демократы разрабатывали подробно даже внутреннюю организацию этой „федерации“, подчеркивая, главным образом, „коммунальную автономию“. Сотрудничество с Бакуниным и западными мелкобуржуазными социал-демократами принесло польским революционным демократам вполне заметное влияние анархизма и утопического социализма; даже польские революционные демократы верили, что их будущая „федерация“ избежит капитализма и установит прямо „социализм“.⁵⁰ У польских революционных демократов и в дальнейшем проявляются некоторые черты ранней идеологии мессианизма, подчеркивающие „более высокую цивилизацию“ польского народа, который должен управлять будущей „славянской федерацией“. Они рассчитывали далее на то, что к федерации присоединятся также чехи, которых можно будет привлечь „знаменем нашего федеративного панславизма“. Концепция федерации польских революционных демократов (кроме Дамбровского эту идею пропагандировал

также В. Врублевски, Токаржевич, Рожаловски и др.) подчеркивала принцип революционной солидарности славянских народов и лозунг их крестьянской революции, но подготовка „славянской федерации“ осуществлялась вне связи с русской революцией, без русских славян.⁵¹ Это несколько поразило некоторых чешских и словацких демократов.

В Чехии прогрессивное течение славянства в 60-ых гг. было представлено опять-таки Фричем, Сабинной и Ваврой-Гальштатским. **Й. В. Фрич** познакомился в эмиграции с Герценом и часто встречался с польскими демократами. Фрич оказался в Чехии самым последовательным сторонником „славянской свободной федерации“, в которой видел спасение чешского народа. Эта конфедерация не была направлена против неславянских народов. Фрич признавал „солидарность всех национальностей“ и верил, что от этого „идея славянской взаимности никак не может пострадать“. Фрич в 1868-ом г. писал о возможности устранения опасений Кошута „что нас чехов касается“ и о том, что венгерские славяне „не совершат ту глупость больше“, не выступят с оружием в руках против мадьяр в пользу Австрии.⁵² Фрич прославился главным образом как страстный друг революционных поляков; последним симпатизировали в 1863-ьем г. **Эмануэль Тоннер** и **Вавра-Гальштатский**, который в полемике против чешских консервативных русофилов правильно подчеркивал, что „свободная Россия как лучший протектор славянства оправдывает себя“. Вавра правильно обращал внимание чешских читателей на то, что „славянский вопрос по другому рассматривается, с одной стороны, Герценом и Бакуниным, с другой — (славянофилами) Гильфердингом, Аксаковым, Елагиным и Погодиным; с третьей — Лелевелем и далее более поздними польскими славистами“.⁵³

В отличие от поляков чешские демократы вынуждены были бороться и в дальнейшем против шовинистической направленности немецкой публицистики, которая вновь в 60-ых гг. развязала кампанию против „панславизма“. На „упреки панславизма“ ответил в 1867-ом г. **Сабина** в статье „Славянство и панславизм“ приблизительно следующим образом: Западное понимание славянской идеи в своей основе федеративно и не имеет ничего общего с „московским панславизмом“. Славянская идея — это средство обороны находящихся под угрозой народов. Стремление к „сближению и к взаимному соглашению между отдельными славянскими племенами“ — справедливо. Какую форму примет „федерация славянских народов“, этого нельзя пока сказать. Определенно надо будет, однако, принять во внимание то, что нигде в другом месте не существует „столько элементов социализма как именно в жизни и народном характере славян“.⁵⁴

„Группа сторонников славянского федерализма в смысле программы Герцена или Бакунина“ была в Чехии самой многочисленной — так сообщал директор пражской полиции в 1867-ом г.⁵⁵ Однако бывшие радикальные

демократы, начиная с конца 60-ых гг. постепенно растворялись в младочешской группе национальной партии, так что славянофильские настроения народа времени митингов (когда „славянская мысль и, в особенности, любовь к братскому русскому народу поддерживала чешский народ в борьбе против национального и социального гнета габсбургской монархии“)⁵⁶ и времени реакции на балканские войны (1875—1878) не получили возможности одновременного углубления социально-политического содержания (критики буржуазной оппортунистической политики).

Воззрения Фрича в 60-ых гг. о чешском самостоятельном государстве или о его включении в „славянскую федерацию“ явились, несомненно, более последовательным развитием воззрений радикальных демократов 1848-ого—1849-ого гг. (критиковали одновременно оппортунизм и маловерие чешской официальной буржуазной политики). Однако Фрич развивал только одну сторону бывшей радикально-демократической программы, разрабатывал программу чешского государства односторонне, избегая социального вопроса. В то время как Черньшевский и некоторые польские радикальные демократы соединяли решение национального вопроса с крестьянской революцией, значит с принципиальными экономическими изменениями, Фрич (и также Кошут) при своих планах имел в виду только вопрос политической свободы. В период 1867—1871 гг. чешские демократические публицисты стремились главным образом способствовать примирению поляков и русских. Попытки добиться этого сделал, например, Э. Тоннер в нескольких статьях и в брошюре „Slovo upřímné k Polákům a Rusům“.⁵⁷

Формуляции демократически понимаемой славянской взаимности подействовали также словацкие мелкобуржуазные демократы⁵⁸ (например, Й. Паларик в статье „O vzájomnosti slovanskej“ О славянской взаимности) в журнале „Lípa“, 1864-ый г.), которые думали о добровольном и демократическом объединении славян, но не против неславянских народов. Паларик, Викторин, Догнани и др. наоборот тесно сотрудничали с мадьярскими демократами и были согласны с демократической концепцией венгерской федерации. Словацкие демократы критиковали „царофильство“ консервативных „народовцев“ (Й. М. Гурбана), но одновременно также не признавали польской концепции „славянской федерации“ без русских славян.

Сербские и болгарские демократы соединяли последовательно национальные и социальные цели. Представитель сербского революционно-демократического движения конца 60-ых гг. — Светозар Маркович⁵⁹ обдумывал путь освобождения сербов и остальных южных славян или балканских народов, который видел в борьбе за уничтожение реакционной габсбургской монархии и Турции, в ликвидации монархического правительства Сербии и Черногории и в установлении свободной и добровольной федерации равноправных национальных республик на Балканском полуострове, основан-

ных на самой широкой внутренней автономии. Неудивительно, что сербское правительство преследовало Марковича. Работу Марковича (Маркович умер в 1875-ом г.) продолжали Св. Милетич и В. Йованович.

Представителем идеологии национально-революционного движения в Болгарии был **Георги Сава Раковски**, который развивал в 60-ых гг. организаторскую и дипломатическую деятельность в балканских государствах против турецкого господства. Новой фазой болгарского революционного движения является Болгарский революционный центральный комитет, возглавляемый революционным демократом **Василом Левским** и **Любенем Каравеловым**, целью которых было освобождение Болгарии путем революции и создание федерации с южными славянами и румынами при сохранении полной национальной и религиозной свободы отдельных народов. Продолжателем Левского (который попал в турецкий плен и был в 1873-ьем году казнен) стал поэт **Христо Ботев**, „последовательный демократ и республиканец, страстный борец за дружбу навеки с великим русским народом, за союз южных славян и за братское сотрудничество балканских и всех остальных освобожденных народов“. Болгарские революционные журналы того времени „Свобода“ и „Независимость“ (руководимые Каравеловым и Х. Ботевым) в период 1868-ого—1875-ого гг. сообщали о движении отдельных славянских народов, желали им свободы и самостоятельности и призывали их к взаимной солидарности. „Нам не остается ничего другого — писал в 1871-ом г. Каравелов — чем уничтожить жизнь обеих гнилых и ни на что неспособных империй (габсбургской монархии и Турции) и построить на них ‚Южнославянскую‘ или ‚Дунайскую федерацию‘ свободных стран... Наша святая славянская обязанность — взаимно соединиться и осуществить революцию от Праги вплоть до Царьграда; другого спасения для нас нет...“ Каравелов предлагал организовать общее совещание представителей славянских народов (о чем мы читаем в пражских „Národních listech“ от января 1872-ого г.) о их обороне против Австро-Венгрии и Турции и советовал созвать „славянский съезд“ в Белград.⁶⁰

* * *

Освободительная и революционная борьба балканских народов завершилась в 1875-ом—1878-ом гг. Течение этой борьбы однако показало, что у революционных демократов нехватает сил для осуществления подготавливаемых планов совместных (и революционных) действий против турецкого господства. Нерешимость буржуазии отдельных балканских народов, с одной стороны, и заинтересованность западных империй в том, чтобы на Балканах существовало status quo, с другой — давали возможность турецкому войску противостоять отдельным восстаниям. Только вмешательство России в 1877-ом г. повлияло на ситуацию и обусловило разгром Турции.

Борьба южных славян против Турции вызвала большой интерес самой широкой публики в России и также в чешских землях. Симпатии к южным славянам распространялись в России, прежде всего благодаря славянофилам (панславистский журнал „Русский мир“, руководимый генералом Черняевым), которые даже стали пропагандировать помощь восставшим герцеговинцам и другим политическим группам.⁶¹ В ежедневной печати тогда доказывалось, что надо помогать нашим поработенным братьям, так как это не только наш интерес, но и наша обязанность, наша историческая задача, так как на стороне славян историческая правда, историческое право. Революционные народники (П. Л. Лавров) также признавали борьбу южных славян, но критиковали (чрезмерно) недостаточную социальную направленность освободительного движения. (Симпатии южным славянам проявили и украинские буржуазные демократы.) Реакционные представители славянофилов видели, однако, проявление своих симпатий южным славянам в том, что отрицали их самостоятельность. И. С. Аксаков писал тогда, что задачей России является освобождение южных славян, но одновременно она (Россия) должна избавить их от „племенного эгоизма“. И некоторые либералы-националисты видели „освобождение“ южных славян в распространении власти и влияния России на Балканский полуостров. В газетах (например, в „Новом времени“) писалось, конечно, о „славянской политике“.

Также в чешских землях и в Словакии вновь стали думать в период 1875-ого—1878-ого гг. о „славянском вопросе“ и о „славянской политике“. Внимание обращалось на „очень крепкие связи, которые соединяют славянские народы Австрии с народами Балканского полуострова“ Чешская буржуазия думала даже о созыве народных митингов, при помощи которых она намерена была вынудить Австрию дать военную помощь южным славянам! Тот факт, что Россия приняла участие в войне (1877-ого г.) вызвал в Чехии новую волну русофильства, выражаемого верой „в победоносный меч русский, который освободит дорогих наших братьев славянских“.⁶²

На основе содержания чешских и словацких журналов 1876-ого—1878-ого годов и также на основе сообщений полиции относительно настроения народа можно догадаться, что тогда ожидали — Чехия сделает смелые выводы из происходящих на Балканском полуострове событий. Как и в России, где „проявили симпатии балканским славянам рабочие“, так и в Чехии желали победы южным славянам рабочие!⁶³ Но официальная чешская политика стала вновь верить в возможность соглашения с Веной (участие чешских депутатов в рейхстаге при правительстве Таафе в 1879-ом г.). Воззрения на балканские события у поляков расходились. Остатки эмиграции на Западе рассчитывали на возможность оживления „польского вопроса“ в европейской политике — само собой разумеется против России, против

опасности „панславизма“. В Галиции опять известный политик Смолка (в более ранней литературе его называют сторонником „польского славизма“) доказывал, что Турцию нельзя спасти от распада и что, поэтому, необходимым является присоединение южных славян к Австрии. „Угловцы“ польского королевства обещали поддержку России в ее балканской политике. Публицист Г. Лисицки хотел лучше „утонуть в славянском море“, чем остаться „добычей пруссаков“. Неизвестный автор брошюры „Sprawa polska jako wewnętrzna Państwa Rosyjskiego“ (Брюссель 1875 г.) готов был признать „славянскую миссию“ царской России помимо другого также потому, что он боялся воздействия „социал-демократических агитаторов“ в России.⁶⁴

В России, однако, эти голоса не встретили желаемого отклика. Россия, возмущенная решением „восточного вопроса“ на конгрессе великих держав в Берлине (июнь 1878-ого г.) стала обращать главное внимание на Азию; недовольные славянофилы впали в немилость царя.

* * *

Как пропаганда славянской идеи, так и восторженное отношение народа к взаимной помощи славянских народов друг другу в период 1867-ого—1871-ого гг. в чешских землях и в Словакии, частично также у словенцев и хорватов — и в 1875-ом—1878-ом гг. на Балканском полуострове, в России и вновь в Чехии, завершают этот первый этап развития славянской идеи, т. е. этап перехода от феодализма к капитализму, этап процесса буржуазной революции и освобождения отдельных славянских народов. Если мы говорим о кульминации пропаганды славянской идеи, мы имеем в виду в период 70-ых гг. прежде всего количественную, а не качественную сторону последней. С точки зрения содержания славянская идея кульминирует в понимании радикальных и революционных демократов в 60-ых и в начале 70-ых годов.

Радикально-демократическое понимание славянской идеи однако не победило. Может быть, славяне действительно были мало демократичны? Нет. Ведь даже у неславянских народов — больших или малых — не победили программы радикальные, тем более революционные. Радикальные и революционные демократы — непризнанные, изгоняемые и преследуемые — совершенствовали свое политическое кредо и в 70-ых гг. перерастали в социалистов.

Означает ли это, что после 70-ых гг. идея славянской взаимности и солидарности потеряла смысл? Положение славянских народов в габсбургской монархии и в конце концов также на Балканском полуострове даже после 70-ых гг. и в дальнейшем обуславливало развитие и пропаганду идеи славянской солидарности в качестве лозунга обороны. Хорошо выразил это

А. Н. Пыпин (ученик Срезневского и верный сторонник Чернышевского), который был согласен со славянской взаимностью в том случае, если она способствует равноправию в политической свободе отдельных народов. В своей работе „Панславизм в прошлом и настоящем“ (1878) он объяснил смысл славянской взаимности следующим образом: Россия может помочь славянам только после того, как она одна пройдет этап основных изменений. Славянская солидарность возможна как с точки зрения внутренней культурной жизни, так также с точки зрения внешнеполитической. Всем славянским народам угрожает определенная внешняя опасность, в особенности это касается германизации. Условием для осуществления идеи славянской солидарности должна быть национальная и религиозная терпимость; право на национальную самобытность должно стать основой „славянского движения“ вообще.⁶⁵

Надо было бы присоединить, что идея славянской взаимности и солидарности может (и должна быть!) и в дальнейшем действенным политическим лозунгом, поскольку сторонники этой идеи рассчитывали на союз с революционными силами русского народа и поскольку стремились добиться сотрудничества с прогрессивными силами всех подавляемых народов в Европе (прежде всего центральной и юго-восточной). Обоснованной явилась, короче говоря, такая концепция славянской взаимности (солидарности), которая послужила бы не только самим отдельным славянским народам в их борьбе за национально-политические права, но и одновременно прогрессу всей центральной и юго-восточной Европы.

Мы предупредили, однако, о том, что нигде в Европе не победили в период 60-ых и 70-ых гг. радикально-демократические программы. Вообще радикально-демократические партии прекращали свою деятельность — как это, впрочем, соответствовало этапу завершения („сверху“) буржуазной революции и началу „спокойного“ развития капитализма. Либеральная буржуазия славянских народов не нуждалась (временно) в идее „взаимности“ для своей оппортунистической деятельности.

ЗАМЕЧАНИЯ

¹ M. Murko, Slovanšká myšlenka před Kollárem, Sborník „Šlovanšká vzájemnost 1836, 1936“ (uspořádal J. Horák), Praha 1938.

² Например, также Гете (Goethe) предполагал существование „только одного славянского языка“. Йозеф Ропер (Joseph Rohrer) в книге „Versuch über die slawischen Bewohner der österreichischen Monarchie“ (Wien 1804) написал, что сербы, поляки, чехи и остальные славяне — это члены одного „славянского народа“ — подобно тому как жители Саксонии, Швабии и т. д. представляют членов немецкого народа.

³ Historický časopis 1960/2—3.

⁴ Этим термином („чешский колларизм“) пользовался болгарин Борис Йоцев в журнале

Български преглед (София 1929, 39—79) с целью различения чешской (и словацкой) культурной славянской идеи от польского религиозно-политического мессианизма и южнославянского иллиризма.

- ⁵ Поэт и политический деятель Петр Негош выразил любовь своего народа к России в разговоре с дипломатами Наполеона (1807) следующими словами: „Не прикасайтесь к моей святыни и гордой славе великого народа, верным сыном которого я считаю себя. Русские той же веры и крови как и мы, они любят нас так же, как мы любим их... Мы знаем очень хорошо, что если погибнуть русским, то погибнуть всем остальным славянам; тот кто прогив русских, тот против всех славян...“
- ⁶ Wollman, Kdo vsugeroval západní Evropě, SPFF C8 1961.
- ⁷ M. Handelsmann, La politique Slave de la Pologne aux XVIIIe et XIXe siècles. Le Monde Slave 1936.
- ⁸ Книга Мицкевица „О славянстве“ (1845, изданная в Париже) вызвала де глубокое впечатление даже в Чехии и Моравии — вспоминает Й. Воцел в Журнале Чешского музея (1849).
- ⁹ J. Feldman, Dzieje polskiej myśli politycznej I, 126—127. — Н Кohn, Geschichte des Panslavismus, 427.
- ¹⁰ Prelog, Slavenska renesansa 1789—1848.
- ¹¹ V. Žáček, Slovanský sjezd v Praze r. 1848.
- ¹² Z. Tobolka, Slovanský sjezd v Praze 1848, Praha 1901, 89.
- ¹³ Politické spisy K. H. Borovského (Praha 1902), II, 736.
- ¹⁴ E. Priester, Geschichte Österreichs, 387.
- ¹⁵ Кон (Kohn, стр. 15) добавляет: „Для западных читателей важно то, чтобы мы повторно подчеркнули тот факт, что славянофилы и панславистское движение не представляли тогда в России никакой более значительной власти.“
- ¹⁶ История России в 19 веке, II, стр. 3.
- ¹⁷ Florovskij A. V., Vranický V. I., Čech — děkabrista. (Kapitoly z dějin vzájemných vztahů národů ČSR a SSSR, Praha 1958, str. 39—68.) — О декабристах и их планах узнали „из газет“ Челаковский, который де не благоприятно высказался о „разделении России на части“ и о присоединении Чехии или же Иллирийской области к „славянскому союзному государству“ (Jirásek, Rusko a my, II, стр. 84).
- ¹⁸ Jirásek, Rusko a my, II, 25; B. Charvát, Bakuninova zpověď caru Mikulášovi, Praha 1926, 116—117.
- ¹⁹ V. Žáček, Lelewel w Czechach i Slowacji, Kwart. Hist. 1961/4.
- ^{19a} Lj. Durković, Srbijansko-crnogorska saradnja (1830—1851), Beograd 1957, 88.
- ²⁰ V. Čejchan, Revoluční slovanství M. A. Bakunina, Slovanský přehled 193/5—6, 266—284.
- ²¹ Čeští radikální demokraté (Výbor politických statí), 274.
- ²² Šamberger, Emanuel Arnold, radikální demokrat z roku 1848, Sborník archivních prací 1951.
- ²³ Politické spisy K. H. Borovského, III—1, 170—192; K. Kosík, Česká radikální demokracie, Praha 1956, 33.
- ²⁴ F. Kutnar, Názory A. M. Pinkase na Rusko a na slovanskou otázku za Krymské války (Kapitoly z dějin vzájemných vztahů národů ČSR a SSSR, 1958, 194).
- ²⁵ Из Белграда (иногда также из Рьеки) приходили в Прагу (50 гр.) разные брошюры, призывающие славян на борьбу против угнетателей. Названия некоторых брошюр и листовок: „Поздрав Срби од рода“, „Ниемштина и Славянство“, „Einige Worte über die slavischen Völkerschaften in Österreich und in Türkei“. Fr. Roubík, Ke stykům československým, Slov. Př., 1931, 10—11.

- ²⁶ Чехи и хорваты выдвигали предложения на федеративную организацию Габсбургской монархии, которая должна была включать Чехию (Моравию и Силезию), Галицию, Венгрию, Хорватию (с Словенией), альпийскую Австрию или же Румынию (румыны из Трансильвании и Буковины).
- ²⁷ *Národní noviny* (Praha) 8. 5. 1867, 11.
- ²⁸ V. K a z b u n d a, *Pouť Čechů do Moskvy*, Praha 192 — J. Radimský, *Morava a pouť do Moskvy 1867*, *Časopis Matice moravské* 1947.
- ²⁹ M. P r e l o g, *Pouť Slovanů do Moskvy roku 1867*, Praha 1931.
- ³⁰ V. Ž á č e k, *Problémy slovanské vzájemnosti v české veřejnosti v 60. letech* (сборник J. V. Friě a демократické proudy v české politice a kultuře, Praha 1956).
- ³¹ *Narodnie noviny* 1870 (I), 97. — Подробно об отношениях в Словакии говорит А. Попович в статье „K problematike slovanskej idey na Slovensku 1863—1875“ (сборник *Príspevky k medzislovenskúmu vzťahom v československých dejinách*, Bratislava 1959, стр. 165—180). Попович с полным правом предполагает, что статьи „Л. Кевелова“, печатанные в газете *Narodnie noviny*, писал болгарский демократ Л. Каравелов.
- ³² Газета *Moravská orlice* 9. 7. 1867 „Ruské hlasy o slovanské otázce“. — В течение 1870—1871 гг. чешская печать обращала внимание на „проект пангерманизма“, который стал „предметом общественных разговоров“.
- ³³ С. А. Н и к и т и н, *Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг.*, Москва 1960, стр. 361..
- ³⁴ K a z b u n d a, *Pouť Čechů*, 76.
- ³⁵ Идеологию Данилевского подвергли критике советские авторы Пашутов и Сабов в статье *Russland und Europa* (сборник *Auf den Spuren der Ostforschung*, *Wiissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx Universität, Leipzig* 1952). — Я думаю, что панславизм Данилевского не отличался столь агрессивной направленностью, которая была свойственна современной немецкой идеологии пангерманизма и расизма (противославянского).
- ³⁶ Данилевским восхищался в 80 гг. чешский писатель Йосеф Голечек (который также мечтал о федерации славянских народов) и в Словакии опять Светозар Гурбан-Ваянский.
- ³⁷ Палацкий тогда высказывался, что надо будет „наказать тевтонов за их надменность и высокомерие“. Осуществление этой задачи должно было стать „исторической миссией славянства вообще и русских в частности“. В этой борьбе против немецкого властолюбия станут чехи — писал Палацкий — для русских „самыми верными союзниками“. (*Doslov k Radhostu, Frant. Palackého spisy drobné, I.*, стр. 340—371 и 392 до 411. — Ежедневная печать тогда обращала внимание на тот факт, что „немцы столь искренние, что на новых картах они присоединяют к территории Германии почти всю Австрию, помимо Галиции, Венгрию и южнославянские провинции...“. Также некоторые польские газеты тогда думали (например, *Gazeta Toruńska*), что „раньше или позже произойдет столкновение между славянством и Германией“. (*Moravská orlice* 15. 8. 1873; *Našinec* 22. 3. 1874.)
- ³⁸ *Moravská orlice* 9. 4. 1874 (*Naše slovanská politika*).
- ^{38a} M. T a n t y, *Kontakt y rosyjskich komitetów słowiańskich*, *Kwart. Hist.* 1964/1.
- ³⁹ *Československo-bulharské vztahy v zrcadle staletí*, Praha 1963.
- ⁴⁰ V. Ž á č e k, *Ze styků „mladé“ polské emigrace s Čechy v letech 1864—1871* (*Slezský sborník* 1962/2, 209).
- ⁴¹ A. G r o b e l n ý, *K problematice čs.-polských vztahů v letech 1868—1871*, *Slovanské historické studie V* (1963), 67—72.
- ⁴² В противоположность этому чешская печать на основе этих воззрений русской печати приходила опять к заключению о „доброте славянской политики в России“; Россия де

таким образом становится „оплотом всех славян“. (Národní listy 29. 12. 1870, 355, „Politika slovanská“.)

⁴³ V. Žáček, Ze styků „mladé“ emigrace, Slezský sborník 1962/2, 220.

⁴⁴ V. Šejchan, Revoluční slovanství M. A. Bakunina, Slovanský přehled 192, 5/6, 266 až 284. — В 1870 г. австрийские власти информировали о существовании „славянского революционного комитета“ в Женеве, который де издает разные брошюры и листовки. Дело касалось, повидимому, „Славянского республиканского комитета“ Бакунина, членами которого были поляки Мирошевски, Токаревич и серб Станович.

⁴⁵ З. П. Базилева, Колокол Герцена, Москва 1949, 212—233.

⁴⁶ В 1861 г., когда в Варшаве царское войско стреляло в польский народ, Герцен писал: „Часто мы уже говорили о будущем объединении всех племен славянских — и теперь мы не отказываемся от такой мысли; пока, однако, это не является самым первоочередным вопросом. Самым ближайшим и неизбежным делом всего славянского мира является гражданская и правительственная самостоятельность Польши и возвращение всех когда-то захваченных частей...“ (K. Kosík, Česká radikální demokracie, стр. 355.)

⁴⁷ Революционный демократ Н. П. Огарев писал в 1867 г. Бакунину: „Я вижу коренное различие между панславизмом и освобождением славянских народов, так как панславизм (вселянская идея) — это, собственно говоря, только философская фикция, в то время как освобождение славян от турецкого, австрийского и венгерского ига — это историческая необходимость и требование гуманности.“ Раньше или позже придет время, когда Россия — „и только Россия, так как никто другой не может“ — освободит славян. Огарев соединял освобождение славянских народов с осуществлением крестьянской революции. (Никигин, Славянские комитеты, 249.) — Друг Герцена — Т. Н. Грановский — уже в 1855 г. обращал внимание на следующий факт: „Чтобы привлечь на свою сторону славян, Россия должна поднять знамя революции... Для этого необходимо полностью перестроить общественный строй, освободить Польшу.“ (Тарле, Крымская война I.

⁴⁸ Чернышевский, Собранные сочинения VI, Москва 1949, стр. 320.

⁴⁹ K. Kosík, Česká radikální demokracie, 300.

⁵⁰ Многочисленные работы советских и польских историков относительно сотрудничества русских (или же украинцев) и поляков приводятся в списке литературы (Лосовски, Млынарски, Белавская, Ольшанский).

⁵¹ S. Bobińska, Ideologia rewolucyjna demokratów polskich w latach 60. XIX. wieku, 50—60.

⁵² Čeští radikální demokraté, 322, 396; K. Kosík, Česká radikální demokracie, 372.

⁵³ Čeští radikální demokraté, 503.

⁵⁴ Čeští radikální demokraté, 305.

⁵⁵ V. Žáček, Historický časopis 1960/2—3, 313.

⁵⁶ Přehled československých dějin, II (Praha 1960), 381.

⁵⁷ Тоннер, подобно тому как большинство чешских публицистов, обращал внимание на необоснованность стремлений польской политики к восстановлению польского государства с восточной границей от 1772 г. Кроме того Тоннер предупреждал поляков об опасности германизации западной польской территории и об опасности прусского продвижения на восток.

⁵⁸ Kosík, Česká radikální demokracie, 347.

⁵⁹ В. Г. Карасев, Сербский революционный демократ Сватозар Маркович. Ученые записки Института славяноведения, т. VII, Москва 1953.

⁶⁰ V. Paskalevová, Bulharská veřejnost a české národní hnutí v 60.—70. letech XIX.

století (Československo-bulharské vztahy v zrcadle staletí, Praha 1963); Čejchan—Žáček, Česká otázka v novinách L. Karavelova (Čs.-bulharské vztahy).

⁶¹ С. А. Никитин, Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг. (сборник Общественно-политические и культурные связи между народами СССР и Югославии, Москва 1957, стр. 53.

⁶² Našinec, 30. 5. 1877 „Osvědčení lidu“; Moravan 7. 6. 1877 „Osvědčování pro Rusy“. — Ригер тогда написал Аксакову: „Наступает славянский период. Задачу великой славянской миссии должны нести русские. Пора дать пример постаревшей Европе.“ Аксаков, однако, неуместно ответил, чтобы чехи доказали свою принадлежность к славянам и приняли православие. (Jirásek, Rusko a my, III, 121—122.)

⁶³ Никитин, Славянские комитеты, 305. — Р. Гавранкова, Окликът на Априлското въстание, Исторически преглед 1955, 6, 49, обратила внимание на настроение чешских шахтеров северочешского угольного бассейна: шахтеры де были убеждены, что Россия определено поможет освободить славян от турецкого господства.

⁶⁴ W. Feldman, Dzieje polskiej myśli politycznej, 24—27.

⁶⁵ Jirásek, Rusko a my, III, 100—111.